

Из наблюдений над экспрессивностью гоголевского антропонимикона ¹

Обычно при анализе имени собственного в художественном произведении наибольший интерес проявляют, с одной стороны, к «говорящим именам» вроде фонвизиновских *Простакова*, *Правдин*, *Скотинин* или гоголевских *Держиморда*, *Уховертов* и т. п., а с другой – к полемической перекличке имен персонажей у разных авторов: известный пример – *Лиза* у Карамзина и *Лиза* у Пушкина. Между тем современная ономастика позволяет во многом по-новому подойти к анализу выразительных свойств этого класса слов в художественном произведении.

В обобщающей по данному вопросу статье Ю. А. Карпенко «Специфика имени собственного в художественной литературе» подчеркивается, в частности, что стилистическая функция имени собственного в художественном произведении «проявляется двояко, апеллируя к человеческому *ratio* и *emotio*: что-то она говорит уму и что-то сердцу»². В первом случае читатель получает некоторую логическую, понятийную информацию, и такая разновидность стилистической функции определяется как информационно-стилистическая. «Во втором случае собственное имя вызывает у читателя определенные чувства, формирует то или иное отношение к

¹ Доклад на основе тезисов: О характере выразительности имени собственного в творчестве Н. В. Гоголя // Наследие Н. В. Гоголя и современность. Тезисы республиканской конференции. – Нежин, 1988. – Ч. 2. – С. 93-94. Не помню, был ли текст доклада где-либо опубликован.

² Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // *Onomastica*. – 1986. – № XXXI. – С. 14.

изображаемому. Здесь господствуют эмоции, и эту разновидность стилистической функции собственных имен в художественной литературе целесообразно назвать эмоционально-стилистической»³.

Обе стороны этой стилистической функции имени собственного ярко проявляются и в гоголевском ономастиконе. Подтверждение этому можно увидеть, например, в замечаниях такого чуткого стилиста, как В. Набоков, который в одном случае говорит, что «фамилии, изобретаемые Гоголем, – в сущности, клички, которые мы нечаянно застаем в тот самый миг, когда они превращаются в фамилии...», а в другом – что «сама фамилия Хлестаков гениально придумана, потому что для русского уха она создает ощущение легкости, бездумности, болтовни, свиста тонкой тросточки, шлепания карт об стол, бахвальства шалопая и удалства покорителя сердец (за вычетом способности довершить и это и любое другое предприятие)»⁴.

Задача настоящих заметок – обратить внимание на то, какими глубинными связями гоголевский именник соединен с другими средствами языковой выразительности и, если брать шире, со всем образным строем, архитектоникой художественного мира писателя.

Как уже отмечено в научной литературе, одним из приемов речевой стилистики Н. В. Гоголя является прием «экспрессивного умножения», когда повтор языковой единицы «вносит определенную лепту в изобразительность текста как образно-речевого целого...»⁵. В частности, имеются в виду случаи лексических повторов, двойной префиксации, повторения суффиксов и т. п.: ср. такой отрывок – «... вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькие эдакие канальчонки, и какой-нибудь

³ Там же. – С. 14-15.

⁴ Набоков Владимир. Николай Гоголь // Новый мир. – 1987. – № 4. – С. 189, 194.

⁵ Еремина Л. И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя. – М.: Наука, 1987. – С. 16.

постреленок, протянувши ручонки, будет теревить тебя за бакенбарды...
» («Женитьба», д. 1, явл. XI), в котором четырежды повторяется суффикс *-онок/-онк-*. Дважды (суффиксом *-оват-* и словом *несколько*) выражается мера признака в портрете Башмачкина: вечный титулярный советник был *«низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек...»* («Шинель»).

В связи с этими наблюдениями Л. И. Ереминой нельзя не обратить внимания, что и именуется Башмачкин по тому же принципу «экспрессивного умножения» – *Акакий Акакиевич!* А если с этой точки зрения подойти ко всему художественному ономастикону писателя, то разные вариации этого принципа легко увидеть и во множестве других случаев. При этом существует, по-видимому, определенная типология гоголевского именника, которая позволяет объединить имена в группы по однородному признаку.

1. Имена с повтором этимологической семантики корней: *Сквозник-Дмухановский* при русск. областн. и просторечн. *сквозник* – "сквозняк" и украинск. *дмухати* – "дуть", *Ляпкин-Тяпкин* при *тяп-ляп* («Ревизор»); *Чертокуцкий* («Коляска») при украинск. *куций*, т. е. "бесхвостый" = "черт" и *куцан, куцак* – "черт".

2. Повтор имени героя в его отчестве: *Акакий Акакиевич* («Шинель»), *Антон Антонович, Лука Лукич* («Ревизор»), *Петр Петрович (Петух)* («Мертвые души», т. 2), *Пифагор Пифагорович (Чертокуцкий)* («Коляска»).

3. Имена с переключкой смежных персонажей: *Иван Иванович* и *Иван Никифорович* в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», *Афанасий Иванович* и *Пульхерия Ивановна* в «Старосветских помещиках», *дядя Митяй* и *дядя Миняй*, а также «имена с

инверсией» [по Ю. Тынянову⁶, см.: 5, с. 203] *Кифа Мокиевич* и *Мокий Кифович* в «Мертвых душах». Апофеоз в этой группе – имена хрестоматийных двойников в «Ревизоре» *Петр Иванович Бобчинский* и *Петр Иванович Добчинский*.

4. Имена с различными случаями звукописи:

а) аллитерация и ассонанс – *Сквозник-Дмухановский* (-ск-), *Лука Лукич Хлопов* (-л-), *Акакий Акакиевич Башмачкин* (-а-);

б) анафора – *Петр Петрович Петух*; анафорически объединены имена городничего и его жены в «Ревизоре» – *Антон Антонович* и *Анна Андреевна* (ант-/анд);

в) повтор звуковых комплексов, слогов: *Чичиков*, *Тентетников*, *Шамшарев* («Мертвые души»), *Кукубенко* («Тарас Бульба»), *Люлюков* («Ревизор»), замечательный перевертыш в префиксально-корневой части *Перерепенко* («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Звуковой комплекс -ки- повторяется и в имени *Акакий Акакиевич Башмачкин*. Наконец заметим, что тот же Чичиков приезжает не просто в город *N*, а в *NN*.

В свете всего сказанного следует обратить внимание, что и сама фамилия писателя *Гоголь* также вписывается в эти закономерности. Интересно, что в «Мертвых душах» в доме у Собакевича висит среди прочих портрет греческого полководца по фамилии *Колокотрони*, в которой ассонанс на -о- заставляет вспомнить один из псевдонимов Н. В. Гоголя - *ОООО*: ср. *Николай Гоголь-Яновский*.

Учитывая пристальный с самых ранних лет интерес писателя к своей родовой фамилии и к именам вообще, можно предположить, что как раз в его фамилии Гоголь находится один из творческих первоисточников

⁶ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 203.

отмеченных особенностей собственного художественного ономастикона. В любом случае такая манера использования языка со всей очевидностью вытекает из художественного восприятия мира Н. В. Гоголем: достаточно вспомнить темы удвоения, раздвоения, отражения, симметрии, причудливых метаморфоз на самых разных уровнях художественной архитектоники писателя.

Интересны в этом смысле наблюдения Т. Г. Вербиловой в связи с комедией «Ревизор»: городничий служит 30 лет, а судья - 15, т. е. в *два раза* меньше; *второй месяц* в дороге Хлестаков; *вторую неделю* он в гостинце; Осип говорит ему: «Погуляли здесь *денька два*, ну и довольно»; *два часа* ждут известий о приезде Анна Андреевна и Марья Антоновна; *через две минуты* ожидают они новостей⁷.

Таким образом, прием «экспрессивного умножения» обнаруживается у Н. В. Гоголя от общего замысла и имени персонажа (вспомним пушкинское «Я думал уж о форме плана и как героя назову») вплоть до художественной детали. С одной стороны, чиновник XIV, самого нижнего класса, коллежский регистратор Александр Иванович Хлестаков отражается в таких запредельных высях табели о рангах, что и названия его чину невозможно дать: «*А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то разве сам генералиссимус*» – говорит Бобчинский (д. 3, явл. VII). А с другой стороны – какой блеск обнаруживается теперь в таком, например, штрихе, как *два_репейника* в усах Чертокуцкого или в плеоназме, когда говорится о морщинах по *обеим сторонам* щек Акакия Акакиевича!

Итак, приведенные наблюдения позволяют сделать вывод, что стилистика имени собственного в творчестве Н. В. Гоголя имеет

⁷ Свербилова Т. Г. Формы организации времени и пространства в комедии «Ревизор»//Гоголь и со временность. – Киев: Вища школа, 1983. – С 118.

типологически закономерную внутреннюю организацию, связанную со всей образно-речевой стилистикой его произведений и образующую нерасторжимое единство рационального и эмоционального начал. При этом рациональное начало, как и полагается в соответствии с законами художественного творчества, проявляется прежде всего в форме эмоционального: литературные близнецы Бобчинский и Добчинский всегда привлекали внимание и были смешны, но только специальный анализ объясняет, что их имена смешны в значительной степени еще и потому, что построены по глубинным правилам гоголевского ономастикона, над которыми читатель может и не задумываться, но интуитивно чувствует их.

Таким образом, наблюдения над гоголевским ономастиконами дают возможность еще больше осознать всю красоту слова, глубину и гармоничность художественного мира этого гениального писателя.